

В поисках новой методологии: о метаисторическом анализе цивилизаций и концепции институциональных матриц

Осознание потребности в новых методологических схемах анализа меняющегося общества характерно сегодня для большинства отраслей социальных наук. В России актуализация этой потребности дополняется, с одной стороны, разочарованием в использовавшихся до перестройки методах исторического материализма и политической экономии социализма. С другой стороны, кардинальное, как представляется многим, изменение социальной реальности в постперестроечной России выявляет неадекватность ранее применявшихся аналитических схем.

Поэтому несомненный интерес и большой резонанс в научном сообществе вызывают попытки ряда исследователей предлагать новые теоретические схемы и базирующиеся на них методологии анализа социально-экономических процессов в общественных науках. Хочу остановиться на двух новых подходах, которые, на наш взгляд, находятся в русле традиций российского теоретизирования и предлагают новые способы познания закономерностей экономической жизни. Они базируются на различных основаниях, отличаются своеобразными системами понятий и по-разному определяют содержание и перспективы современных российских реформ. Сопоставление данных подходов представляется интересным также потому, что в них реализуются принципиально различные пути конструирования социального знания.

Первый подход нам предложен ученым-экономистом проф. И. В. Можайской. Результаты ее почти 10-летней работы отражены в вышедшем недавно труде «Духовный образ русской цивилизации и судьба России. (Опыт метаисторического исследования)». Автор вводит в научный оборот разработанную ею схему метаисторического анализа цивилизаций, которая предлагается для исследования закономерностей развития экономических систем.

Другая методология – эта выдвинутая и разрабатываемая мною концепция институциональных матриц¹. Она представляет собой макросоциологическую теоретическую гипотезу о двух альтернативных и одновременно дополняющих друг друга типах базовых экономических, политических и идеологических институтов,

формирующих матрицу социального устройства общества. Тип матрицы задает характер и «коридор» эволюционного развития государств.

Сначала отметим общность названных аналитических схем. Предложенные подходы, на мой взгляд, очевидно продолжают традиции российской школы экономической мысли. Прежде всего, это относится к характерному для российской экономической теории рассмотрению экономики не самой по себе, но как части социального целого, так называемый холистический подход. Он предполагает, что закономерности экономики не могут быть поняты без учета закономерностей развития этого социального целого. Такой же взгляд развивают названные концепции.

Следующая традиционная черта российской экономической мысли состоит в том, что основное внимание в исследованиях уделяется не рассмотрению действий индивидуума, или «экономического человека», но анализу макропроцессов, определяющих поведение людей. В отличие от распространенного «методологического индивидуализма», составляющего основу большинства современных зарубежных экономических теорий, российское теоретизирование характеризуется структурным, системным подходом к анализу общества. Именно такой подход стремятся реализовать авторы разбираемых концепций.

Наконец, в них реализуется и третья черта российской экономической школы, которая, на мой взгляд, заключается в поиске закономерностей развития «другой экономики», которая характеризует Россию в отличие от западных, прежде всего, стран. В чем причины иного бытия хозяйственной жизни, каково его главное содержание, возможно ли изменение сложившегося в России экономического порядка, и каковы связи нашей экономики с экономикой соседних европейских стран? Эти вопросы традиционно волновали представителей российской экономической школы, и эта сторона отчетливо представлена в анализируемых здесь метаисторическом анализе цивилизаций и концепции институциональных матриц.

В то же время авторы совершенно по-иному пытаются взглянуть на процессы общественного развития. Сопоставление и анализ специфики развиваемых подходов базируются на упомянутых авторских монографиях, отражающих результаты их многолетних исследований.

Метаисторический анализ цивилизаций.

---

¹ См. *Кирдина С. Г.* Институциональные матрицы и развитие России. - Москва: ТЕИС, 2000. - 213 с.; *Кирдина С. Г.* Институциональные матрицы и развитие России. (Изд.2-е, перераб. и дополн.). Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001.- 307 с.

Сначала проанализируем схему метаисторического анализа цивилизаций, предложенную И. В. Можайской. В чем суть ее подхода и каким образом он реализуется в ее конкретных исследованиях? Перейдем к анализу предложенных автором теоретических идей.

Основная методологическая идея И. В. Можайской, которая лежит в основе уже упомянутого 4-хтомного труда «Духовный образ русской цивилизации и судьба России» и подготовленного на этой основе доклада «Экономический аспект метаисторического анализа цивилизаций»², состоит в следующем. Констатируя неудовлетворенность «возможностями современной науки в познании мира», автор предлагает осуществить синтез науки и религии, полагая возможным на этой основе сформировать адекватное миропонимание «для отражения закономерностей мирового развития». Если точнее, автор предпринимает попытку «соединить религиозные знания с конкретным историческим материалом русской истории многих столетий»³, а также историей других цивилизаций.

На мой взгляд, а если сказать точнее, по моему убеждению, наука и религия представляют собой два дополняющих друг друга, но невозможных к слиянию способа познания мира. Они отличаются и своими целями, и качественно различными способами деятельности, осуществления.

Религия характеризует отношение человека к духовному, рационально непостижимому миру. Религия несет в себе веру в сотворившего мир и вечно пребывающего в нем Бога, обращена к человеческой душе и направлена на ее спасение. В этом смысле религиозное учение и выражающие его пророки всех времен и народов адресуется к каждому конкретному человеку, взывая, напоминая о сопричастности каждого индивидуума Божественному началу, пробуждая в нем это начало, которое поможет ему «хорошо и праведно» жить на этой земле и спастись тем самым для жизни будущей. В основе религии всегда лежит вера, ибо религия – о непостижимом, непознаваемом, логически непроверяемом, о том, что превыше человеческого разума.

Наука по своим целям (и на большее истинные ученые-профессионалы не претендуют) направлена на выявление закономерностей непосредственно наблюдаемого окружающего материального мира – мира природного и человеческого. Она означает приложение человеческого разума к анализу природных и социальных явлений. Наука – низшая в духовной иерархии по сравнению с религией, оперирует с реальными, фиксируемыми при помощи наблюдения и приборов, фактами, систематизирует их,

---

² Можайскова И. В. Экономический аспект метаисторического анализа цивилизаций. (Доклад к программе научного исследования на заседании Круглого стола 15 января 2003 г.) – М.: Институт экономики РАН (Центр социально-экономических проблем федерализма), 2003 (Далее – Доклад).

³ Доклад, с. 7.

выявляет закономерности, проверяя их экспериментально или исторически, использует полученные знания в интересах человечества, расширяя его возможности существовать в материальном мире. «Она учит о формах материи, а не о движениях и целях духа, что составляет область религии»⁴.

Возможно ли «методологическое» совмещение науки и религии, как они смыкаются? На мой взгляд, их сосуществование, конечно же, имеет место, и это место – в сознании, в душе конкретного человека. Ученый, занимаясь тем, что предназначено ему в жизни, может получить сигнал (интуицию, догадку, гипотезу) из высших, Божественных сфер, и развивать ее как научное знание, используя характерные для науки способы деятельности, аргументы, доказательства и эксперименты. Вера дополняет науку через постижения, ощущаемые верующим ученым как откровения, через его стремление как можно лучше и честнее выполнить свое дело, реализуя «Божий промысел». «И тогда мы видим, что религия не противоречит науке, но религия движет науку. ...Самые качества упорного исследования – самоотверженный труд, вера в конечный результат, смирение – является более всего продуктами религии»⁵. Вера очищает человека, облегчает путь к пониманию сложностей мира, наталкивая его на «открытия», которые, по сути, являются следствием смиренного восприятия Божественного порядка⁶. Такое смирение позволяет элиминировать влияние «человеческой самости», стоящей как препятствие между человеком и миром. И услышать, почувствовать, «открыть» его законы.

В свою очередь, религиозные деятели, как и выдающиеся Святые, владея современными научными данными, могут использовать их в «междисциплинарном диалоге» с учеными, содействуя налаживанию контактов и взаимопониманию между представителями духовной сферы.

Совмещение же религиозного и научного способов познания в единой методологической процедуре, в общей теории, на мой взгляд, невозможно. Оно или «от лукавого», когда осуществляющие эту попытку просто не понимают, что делают, или от человеческой гордыни в попытке «сравняться с Богом» в познании созданного Им мира. Неслучайно религиозное философствование (не путать с богословием) рассматривается Русской Православной Церковью наравне с ересями.

---

⁴ *Святитель Лука (Войно-Ясенецкий)*. Наука и религия. М: Троицкое слово, 2001, с. 44.

⁵ Там же, с. 60-61.

⁶ Применительно к нашим коллегам из поэтического цеха эту мысль точно выразил А. С. Пушкин в стихотворении «Пророк», когда написал: «Духовной жаждою томим В пустыне мрачной я влачился, - И шестикрылый серафим На перепутье мне явился... И Бога глас ко мне воззвал : «Восстань, пророк, и виждь, и внемли, Исполнись волею моей, И, обходя моря и земли, Глаголом жги сердца людей» - *Пушкин. А. С. Полное собрание сочинений. В 17 т. Т.3 (1). М: Воскресенье, 1995, с. 30-31.*

Мне представляется, что эта принципиальная несоединимость научного и религиозного способов познания является исходным препятствием для построения дальнейших операциональных процедур, которые бы раскрывали содержание методологий, предложенных на основе такого якобы «синтеза». Трудно представить, какой может быть система понятий и аргументов при таком подходе. последуем за автором и проверим эти предположения, попытаюсь последовать логике, предложенной И. В. Можайской.

«Метаисторический анализ», как я поняла (возможно, мое понимание неполно) означает, что для выявления закономерностей развития той или иной страны, во-первых, необходимо отнести ее к определенной цивилизации (поскольку только цивилизации различаются содержанием свойственной им «метаисторической идеи»), и, во-вторых, определить сущность этой идеи.

Что такое метаисторическая идея? Автор пишет, что «основой метаисторической идеи является религиозная задача, состоящая в выработке ценностного отношения к миру и целям человеческого бытия...»⁷. Другими словами, определяющим фактором метаисторической идеи является характерная для общества религия, которая создает структуру ценностей, определяет «трансцендентный уровень конечных ориентаций общества»⁸, составляющий основу метаисторической идеи данной цивилизации. Тем не менее, далее И. В. Можайская пишет, что такого, лишь с опорой на религию, понимания уже недостаточно, что «метаисторическая идея выражена и в ценностях религиозного спасения, и в направлениях духовной интеграции разных народов и этнических групп, и в формах взаимосвязи духовной и социальной структуры (включая характер политической власти, государственности), и в характере светской культуры, основных ее видах, формах, и в динамике цивилизационных структур...»⁹.

Это определение метаисторической идеи – одно из наиболее четких и кратких. Приводимые далее разъяснения этого понятия, основанные на понимании термина «миф» из сочинений Д. Андреева (в частности, «Роза мира»), уже практически не поддаются возможной научной операционализации в традиционном ее понимании. В результате сама же И. В. Можайская, приступая к анализу «метаисторической идеи» в развитии цивилизаций, замечает, что «речь идет о явлениях, которые не поддаются скальпелю рационального препарирования», поэтому «в их освещении мы будем опираться на художественно-образное восприятие духовного мира религиозными писателями или

---

⁷ Можайская, т. 1, с. 342.

⁸ Там же.

⁹ Можайская, т. 1, с. 351.

социологами»¹⁰. Таким образом, автор, надеясь, что ею сделана попытка соединить «новые методологические подходы к пониманию смысла истории, которые появились только в XX веке (цивилизационная школа, школа «Анналов»), с теми наработками, которые обозначились в русской религиозно-философской и мистической литературе»¹¹, тем не менее, вынуждена констатировать, что этот подход «требует художественно-поэтических форм для своего выражения»¹². На мой взгляд, это сужает перспективы возможной формализации метаисторического анализа цивилизаций, а, следовательно, и использования данного подхода в других исследованиях.

На мой взгляд, эти ограничения сдерживают применение заявленного подхода и в исследованиях самого автора. Неслучайно при переходе к анализу конкретных экономических проблем – а именно этот вопрос представляется наиболее интересным, – она опирается преимущественно на понятия и исследования, характерные для уже известных научных подходов, и, прежде всего, формационного. А для обоснования нового социально-экономического курса современной России И. В. Можайскова предлагает взять за основу, во-первых, экономическую политику Ф. Рузвельта, во-вторых, опыт таких стран, как Япония, Тайвань, Южная Корея, Сингапур, Саудовская Аравия, Оман, Катар, Бахрейн, ОАЭ, Чили, КНР, Уганда, Таиланд и Малайзия¹³. Хотя ранее автор доказывала, что метаисторическая идея, характерная для России, является специфической, и именно она, и прежде всего она, может обеспечить социальное развитие нашей страны.

Таким образом, непосредственное применение предложенного И. В. Можайской оригинального и весьма интересного подхода на данном этапе является чрезвычайно затруднительным. По-видимому, как это часто бывает при выдвижении новых гипотез, в настоящее время речь идет лишь о начале разработки новой методологии. Переход к той стадии, когда эта методология может быть применена другими исследователями, требует, видимо, дальнейшей работы.

Важность поставленных И. В. Можайской проблем, тем не менее, не снимается начальным этапом предпринятой ею масштабной работы. Во-первых, ее исследование отражает современную тенденцию российского обществоведения, а именно, попытки поиска научного знания «за пределами предмета». Это выражается в распространении междисциплинарных исследований и надеждах на их результативность, в сотрудничестве ученых разного профиля – как внутри обществоведения, так и в контактах представителей естественных и социальных наук. Анализ тщательной и фундированной работы

---

¹⁰ Можайскова, т. 1, с. 355.

¹¹ Можайскова, т. IV, с. 597.

¹² Можайскова, т. IV, с. 595.

¹³ Можайскова, т. IV, с. 550-552.

Можайсковой показывает, насколько нелегки эти попытки, как трудно прогнозировать здесь получение новых результатов, насколько это сложно.

Во-вторых, сегодня «маятник» религиозности от полного ее отрицания качнулся, как представляется, в сторону «сверхмассового» распространения. Проявление и анализ попыток использования персонального духовного опыта в научной деятельности представляется поэтому очень важным.

И в третьих – работа Можайсковой, как в зеркале, отражает титанические усилия ученых старшего поколения вырваться из тисков идеологии советского периода, которая представляется им сегодня узкой, навязанной, неадекватной и показывают интеллектуальную мощь российской интеллигенции, нашедшей в себе силы и мужество преодолевать свое прошлое во имя поисков лучшего будущего. И это не может не вселять оптимизма в отношении перспектив отечественной науки.

Концепция институциональных матриц

Перейдем к анализу следующей методологической схемы. Разрабатываемая автором статьи концепция институциональных матриц представляет собой принципиально иной подход к конструированию методологии изучения социально-экономических процессов. В данном случае явно декларируется попытка выстроить социальную теорию по образцу теорий естественных наук, с точной формулировкой исходных постулатов и системой однозначно определяемых взаимосвязанных понятий. Поэтому автор дает в своей работе и Терминологический словарь, и логическую схему взаимосвязи всех важнейших понятий, используемых в концепции институциональных матриц. Здесь ставится задача разработки максимально строгих типологий (классификаций), когда не предусматривается так называемый «остаток классификации», вбирающий в себя не попавшие в классы объекты, что традиционно списывается на сложность и многомерность социальных, лингвистических, культурных т.п. феноменов.

В основе допущения о построении строгой социальной теории лежит разделяемый автором принцип единства всех наук.

Каково содержание предложенной концепции институциональных матриц? Последовательно изложим основные понятия и тезисы, а также полученные с помощью данной методологии научные результаты.

Итак, автор вводит новую, обусловленную целями поставленного теоретического исследования, трактовку категории *базовых институтов*, характеризующих социетальный уровень рассмотрения общества. Базовые институты определяются как глубинные, исторически устойчивые и постоянно воспроизводящиеся социальные

отношения, как исторические инварианты, которые позволяют обществу выживать и развиваться, сохраняя свою самодостаточность и целостность в ходе исторической эволюции, независимо от воли и желания конкретных социальных субъектов. Категория базовых институтов, в отличие от более широкого понятия «институт», обособляет, выделяет из всего множества социальных отношений те из них, которые имеют исторически непреходящий характер и сохраняют неизменное внутренне содержание. Их функцией является регулирование основных общественных подсистем и поддержание целостности, интегрированности разных типов обществ.

Затем автор уточняет *институциональное представление* о структуре общества. В качестве его функционально различающихся однопорядковых подсистем рассматриваются *экономика, политика и идеология*. При таком подходе они выступают на равных основаниях в качестве проекций единого социального целого, но отличаются своими функциями в поддержании этой целостности и наборами институтов, посредством которых реализуют свои функции.

На этой основе автор переходит к определению понятия *институциональной матрицы*. Она определяется в данном исследовании как исторически сложившаяся система базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных подсистем — экономики, политики и идеологии. Институциональная матрица представляет собой устойчивую форму общественной интеграции.

Другой полюс, который представляет концепция институциональных матриц, характеризует, напротив, движение к «объективации» социального знания, попытку работать с социальным как объектом естественных наук. Здесь основное внимание направляется на выявление структур и закономерностей развития обществ безотносительно поведенческих и субъективно-человеческих характеристик. Допущение, лежащее в основе этого подхода – известная идентичность естественных и социальных наук.

Где истина, между ли этими полюсами, или в каждом из них, или в дальнейшем объединении результатов этих кажущихся противоположными подходах? «Сколько бы человек ни трудился в исследовании, он все-таки не постигнет этого; и если бы какой мудрец сказал, что он знает, он не может постигнуть *этого*»¹⁴. Можно лишь попытаться приблизиться к пониманию глубоких диалектических связей, пронизывающих мир и общество – социальную реальность, составляющую часть этого сложного мира. И

---

¹⁴ *Екклесиаст*, 8, 17.

объединение усилий разных групп ученых – один из путей приближения к этой недостижимой цели.